

«Раньше для людей не составляло никакого труда обходиться без вещей, о существовании которых они не подозревали и к которым никогда не стремились. Отсутствие определенных вещей, которыми и которые в конечном итоге действительно стали для них необходимы».

Рене ГЕНОН

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА

High end аудио в отдельно взятой московской квартире

Дмитрий Лилеев

Листая западные журналы, то и дело видишь слова «high end» в применении ко всему: к автомобилям, синтезаторам, видеокамерам. Причем у журнальных авторов, когда они используют этот «ярлык», уважение и ирония присутствуют примерно в равных пропорциях. Они, хотя и раскланиваясь, придерживаются мнения, что нормальному человеку high end в общем-то не нужен, а если и нужен, то все равно денег не хватит...

В любой области техники слова «high end» означают некий «высший предел возможного», но только в аудио они стали синонимом целой индустрии. Уважение к инженерной мысли понятно. Но откуда ирония? Быть может, это защитная реакция на отклонение от «нормы»? Мы ведь все очень предсказуемые люди, хотя что такое «норма» еще никто внятно не объяснил...

Не будем пытаться это делать и мы. Но согласитесь — потребности большинства людей легко

удовлетворяются стандартными и недорогими вещами. Число этих вещей растет с каждым днем, однако high end по-прежнему остается в глазах «нормального» человека каким-то излишеством.

Это может показаться парадоксальным, но я думаю, что high end — излишество в куда меньшей степени, чем обычные безликие вещи. У нас сегодня слишком много запросов. Наш интеллект непрерывно занят их обслуживанием, и мысль о том, в самом ли деле нам нужно все, к чему мы стремимся, просто не возникает.

High end меня лично всегда привлекал своей практической полезностью. Он — скорее часть образа жизни, чем роскошь. Или, если не быть столь радикальным, можно сказать, что high end — это честная и осмысленная попытка ответить на вопросы «Что мне нужно?» и «Чем я могу ради этого пожертвовать?». Ответить, не сообразуясь с «нормальными» потребностями, которые без конца навязывает нам современный мир. Сейчас, естественно, я говорю о high end не только в аудиотехнике.

Если же говорить об аудио, то, несомненно, — любая высокотехнологичная аудиосистема уникальна. Здесь невозможен стандарт, одно-единственное универсальное решение. Точнее, любая законченная аудиосистема так же уникальна, как ее владелец. Известно, что владельцы собак очень скоро начинают быть неуловимо похожими на своих питомцев. Нисколько не меньше связаны аудиосистема, подобранная из разрозненных компонентов, и личность ее хозяина. Наблюдать за всем этим чрезвычайно интересно. От прямолинейного «Скажи мне, какие у тебя колонки, и я скажу, кто ты» до отслеживания довольно сложных и неоднозначных связей.

Аудиосистема, о которой пойдет речь, — пожалуй, самая амбициозная из всех, которые мне доводилось видеть и слышать за свою жизнь. Ее владелец, глава отдела hi-fi/home theater

компании «Пурпурный Легион» Михаил Кучеренко, занимается аудиотехникой уже на протяжении многих лет. В течение этого времени он имел редкую возможность утолить свою потребность слушать музыку с идеальным качеством звучания. Сама же музыка как прежде, так и сейчас остается его главным увлечением.

Когда-то он не очень-то представлял себе практические пути реализации этого «идеального качества». Сегодня, конечно, для него эти пути ясны, четки и несомненны.

В данном случае индивидуальность владельца проявилась во всем — от необычно большого пространства, занимаемого аудиосистемой, до нетрадиционного и в чем-то даже анархического подхода к ее построению. Это Михаил Кучеренко находит логичным. **«Меня всегда привлекали необычные вещи, — рассказывает он. — Раньше я это интуитивно чувствовал, а сформулировал совсем недавно. Что такое high end audio? Это необычно высокое качество звука. И сами эти слова предполагают, как правило, необычные способы его получения».**

Обыкновенная комната городской квартиры буквально трещит по швам от аппаратуры, а привычное понятие «домашняя аудиосистема» здесь принимает обратное значение, что-то вроде «аудиосистемный дом». Этот дом начинается с нескольких мощных электрощитков, выполняющих роль сетевого фильтра и понижающего трансформатора одновременно. Один из таких щитков упрятан в коридоре, другой — на застекленном балконе. Наконец, проблему электропитания уже радикальным образом решает сетевой фильтр Tісе.

Сама комната, в которой установлена система, подверглась акустической обработке, которой позавидовала бы иная профессиональная студия. Стены и потолок по всей площади обиты несколькими слоями ДСП, а сверху еще и деревянными реечками (в просторечии «вагонкой»). Во всех «критиче-

*Кроссовер — активный фильтр, разделяющий частоты.

ских точках» пространства использованы специальные средства акустической обработки RoomTune и ASC. Там, где подходящих RoomTune не нашлось, звуковые отражения и резонансы поглощают «подручные материалы», вроде одеял. Несмотря на это, комната отнюдь не превратилась в «анехоическую камеру», осталась довольно уютной.

Основа аудиосистемы, определяющая ее поистине неповторимое звучание — планарные акустические системы Arpeggie Studio Grand и целый выводок ламповых усилителей Manley, пасущихся позади АС. На мой взгляд, именно количество усилителей и конструкция АС процентов на 70-80 ответственна за то, что получается в результате.

Arpeggie Studio Grand — одни из лучших акустических систем не только для самой фирмы Arpeggie, но и вообще в мире. Характерно, что сама фирма Arpeggie несколько лет назад успешно прекратила свое существование. Известное дело: все хоть сколько-нибудь неординарное долго не живет, а безликая серая масса с каждым днем только увеличивается в количестве. Но вернемся к АС (назвать *это* колонками язык не поворачивается). Конструктивно они являются 3-х полосной системой с ленточными ВЧ и СЧ излучателями и низкочастотным боксом с динамиками. ВЧ-лента работает фактически как однополосная система, воспроизводя весь «жизненно важный» диапазон частот от 180 Гц и выше, вплоть до 20 000 Гц. Среднечастотное звено, согласно опять же замыслу владельца, воспроизводит от 55 до 180 Гц. Наконец, басовые «вуферы» воспроизводят все, что остается ниже 55 Гц.

Уже упоминавшийся выводок усилителей Manley пасется в таком количестве за колонками не случайно. Дело в

том, что данная система является «активной» и вдобавок к этому еще и «настраиваемой». Нечто подобное встречается в концертных залах или дорогих студиях, но домашние «активные» аудиосистемы крайне редки.

В нашей сигнал с источника попадает сначала на предусилитель Manley 300B, затем на ламповый VTL, имеющий встроенную регулировку частот, а затем — на ламповый же кроссовер* оригинальной конструкции. По мнению Михаила Кучеренко, **«большинство систем как были, так и остаются настроенными специалистами на фабрике. После этого к ним, как полагают, прикасаться вообще нельзя. Я считаю, что это неверно — достаточно поставить одни и те же АС в разные комнаты, чтобы убедиться, насколько различен звук. Я уж не говорю про разные усилители и источники сигнала. У меня кроссовер позволяет перестраивать систему и находить какой-то разумный компромисс. Ясно, что электронный кроссовер добавляет что-то в звук, но — опять же — по очкам его достоинства перевешивают его недостатки».**

Таким образом, пользователь имеет возможность регулировать частотный баланс и в предварительном усилителе VTL, и с помощью настроек кроссовера. Кроссовер делит сигнал на три независимых частотных полосы, и только после этого он попадает на усилители мощности Manley GM70. **«Когда я первый раз включил эти триодные усилители, я понял, что пути назад нет»**, — вспоминает Михаил.

Эти усилители — ламповые моноблоки, сконструированные Дэвидом Мэнли на основе советской военной лампы ГМ 70. Однотактные, триодные. В своем роде уникальная конструкция, так как ни от

какого иного однотактного триодного усилителя невозможно получить около 28 Вт выходной мощности без использования параллельного включения ламп. А в Manley GM70 можно. Характерно, что производство этих усилителей (так же, как и Arpeggie) прекратилось. Всего таких усилителей-моноблоков в системе — ни много ни мало — восемь штук. Пара на ВЧ, пара на СЧ и две пары на бас.

Источник в системе — пожалуй, единственное, что сегодня можно реально купить. Это известная комбинация Sonic Frontiers Transport 3 / Processor 3 с цифровым интерфейсом I²S. Однако и он радикально переделан. В процессоре стало возможным отключение цифрового фильтра, а между транспортом и процессором была внедрена антиджиттерная «линза» Genesis Digital Lens. «Линза», изначально не имевшая I²S, была также переделана, чтобы этот самый I²S у нее появился.

Думаю, не стоит говорить о множестве очень дорогих кабелей, о перепаянной внутренней проводке, о конусах и подставках — все это имеется в избытке. Отмечу лишь, что источник сигнала покоится на гранитном постаменте высотой примерно 1 м над уровнем пола.

На того, кто впервые попал в комнату, все это производит неизгладимое впечатление. Дюжина одновременно работающих ламповых устройств таинственно мерцает (и полностью «справляется» с отоплением комнаты даже в лютые морозы). Пространство, которое занимает аппаратура, кажется просто огромным, а акустические системы возвышаются над всем этим, как паруса фрегата.

Но самое интересное, естественно, начинается тогда, когда все это начинает звучать. Или, если воспользоваться аудиофильским слэнгом, — играть.

Звучание совершенно уникально. Все познается в сравнении, но в этом случае сравнивать мне лично не с чем, несмотря на богатый опыт занятий аудиотехникой. Ни одной близкой по звуковым характеристикам (точнее, по качеству проявления этих характеристик) аудиосистемы мне слышать не доводилось.

Аудиокомплексы очень редко строятся с такой тщательностью, и обычно можно говорить, скорее, о тех или иных особенностях звучания. Из этой системы, похоже, выжали все, что только можно. Музыкальные образы удивительно цельны. Формируемая звуковая картина становится столь отточенной и завершенной, что очень трудно говорить об особенностях звучания в привычных терминах — много или мало баса и тому подобное. Звучающая музыка существует как объективная реальность. И либо мы ее принимаем, либо не принимаем. Интересно, что эта цельность образа сохраняется при любых регулировках частотной характеристики.

Об особенностях регулировки стоит сказать подробнее. Большинство домашних аудиосистем не предполагают никакой настройки, за исключением сомнительной смены кабелей или подставок. Только в недорогих транзисторных усилителях встречаются регуляторы тембра, которые также «по умолчанию» всегда выключены. Данная система демонстрирует как безусловную пользу частотной регулировки, так и отсутствие какой-либо деградации звука при такой регулировке. Это не так уж удивительно, если вспомнить высокое качество предварительного усилителя и кроссовера.

Джаз воспроизводится почти идеально, потребность в коррекции не возникает. Однако в записях поп-музыки довольно часто присутствует резкость в высокочастотном диапазоне или, к примеру, недостаточно глубокий бас. В этом случае небольшая частотная коррекция позволяет слушать практически любые записи, не обращая внимания на отдельные артефакты слишком активной студийной обработки сигнала.

Несмотря на частые замечания о «жанровой ориентированности» планарных излучателей или ламповых усилителей, я думаю, что эта система «всеядна» — любые записи, от сложных оркестровых композиций до клубной танцевальной музыки звучат на ней великолепно, открывая совершенно неведомые доселе грани. И благодаря ее стереоразрешению слушатель невольно увлекается теми из записей, в которых слышны оттенки звучания натуральных инструментов или «живого» музицирования. Собирая свою систему, Михаил примерно так и представлял себе ее влияние. **«Я считаю, — замечает он — что система должна человека развивать. Она создается не для того, чтобы слушать ту музыку, которую он уже слушал, а для того, чтобы раздвигать для него грани опыта, возбуждать интерес к какой-то новой музыке, новым идеям. То же произошло и со мной — большинство из всего, что я слушал, стало для меня уже прочитанной книгой. Что-то осталось, но — развитие требует роста, и надо двигаться дальше».**

Слушая диск «АМ-коллекция-I», я обнаружил еще одну интереснейшую черту системы — способность переходить от piano к forte абсолютно плавно и естественно. Только услышав *такие* динамические контрасты, понимаешь, насколько компрессируют звук обычные аудиосистемы, даже самые лучшие.

Звук даже на предельном уровне громкости совершенно не утомляет, скорее завораживает. Свобода звучания достигается и благодаря чрезвычайно продвинутому цифровому устройству. Получить реальный динамический диапазон компакт-диска, о котором так долго говорили, почему-то удается только с помощью очень дорогих плееров. По моим наблюдениям, реальная динамика в записях на CD встречается гораздо реже, чем, скажем, высокая детальность звучания или отсутствие цифровой жесткости.

И главное: все компоненты системы, от источника сигнала до АС, *оставляют естественным* пространство и время музыки. Малейшие нюансы в игре исполнителей, в их настроении ощущаются очень остро.

Искать изъяны в такой системе — занятие неблагодарное. Подобный уровень звука может быть достигнут только с помощью очень дорогих компонентов. Технические решения, определяющие этот уровень, не говоря о сложности настройки, очень дороги сами по себе.

Но даже эти решения несут в себе компромиссы. Столь удивившая меня естественность течения музыки во времени достигается отчасти чрезвычайно низкой массой излучателей, то есть ленты. Она, в свою очередь, не может обеспечить стопроцентной тональной верности воспроизведения, особенно по части «телесности» создаваемых образов или, как иногда говорят, «плотности» звучания. В данном случае слушателю приходится выбирать, что для него важнее. Ни одни АС с динамическими головками, гарантирующие «телесность» звука, даже близко не подбираются к той цельности звуковой картины в пространстве и времени, которую обеспечивают хорошие планарные АС.

В аудиоконтакте Кучеренко музыка не просто отделяется от излучателей, но в самом ее звучании совершенно не опознается присутствие каких-либо воспроизводящих устройств. Это иногда приводит в замешательство слушателя, который привык именно к «воспроизведению» музыки и к характерным призвукам, сопутствующим этому воспроизведению. Будь то резонанс ящичных громкоговорителей или искажения аналоговой ленты.

Но здесь мы возвращаемся к вопросу о том, что важнее. М. Кучеренко выбрал действительно глобальные качества. И именно это привело к тому, что его домашняя аудиосистема со временем сделалась «испытательным полигоном» для проверки всевозможных новых идей: ***«Я искал те грани, где усилия начинают терять всякий смысл, пытаюсь понять, где они еще имеют смысл, а где уже, наверное, нет.***

Многие вещи, которые разбирались в моих статьях, многие мои выводы были в большой степени основаны на том, что у меня была такая система. Во многих других случаях условия экспериментов были недостоверными. Я часто слышал системы, в которых непонятно что творилось, и, естественно, их владельцы получали результаты с точностью до наоборот».